

Веллер М., Буровский А. Гражданская история безумной войны. М.: АСТ, 2007. – 640 с.

**«ГРАЖДАНСКАЯ ИСТОРИЯ БЕЗУМНОЙ ВОЙНЫ»,
ИЛИ ИННОВАЦИОННОЕ ОБРАЩЕНИЕ
К ВРЕМЕНАМ Н.М. КАРАМЗИНА И А.С. ПУШКИНА**

Современная историографическая ситуация отличается чрезвычайным разнообразием точек зрения по уже давно, казалось бы, устоявшимся в своих оценочных характеристиках проблемам. Действительно, вряд ли кто из современных исследователей будет оспаривать «братоубийственный» характер Гражданской войны. По аналогии с советской эпохой, когда во всех работах Гражданская война трактовалась исключительно как высшая форма классовой борьбы победившего пролетариата против свергнутых, но не уничтоженных буржуазии и помещиков.

И, тем не менее, мировоззренческая, методологическая и аксиомологическая разобщенность современных исследователей – объективная реальность. Историография Гражданской войны распадается на множество конкурирующих альтернативных парадигм, не совместимых друг с другом фундаментальных концепций. Современное осмысление Гражданской войны проявляется в непрекращающемся диалогическом соперничестве научных традиций, в борьбе старых концепций с новыми, а также внутри самого концептуального пространства. При этом продолжают действовать четыре основных критерия оценки конкурирующих парадигм. Это простота, непротиворечивость, документальное обеспечение и соотношение с другими теориями. Однако они являются в гораздо большей мере ценностями, нежели жесткими правилами или алгоритмами выбора.

С этой точки зрения трудно не заметить активного процесса взаимопроникновения друг в друга художественной и научной литературы, свидетельством которого становится появление исторических исследований совершенно уникального типа. Вышедшие из-под пера писателя-историка (и даже не всегда историка и не всегда писателя) эти работы претендуют на статус таких сочинений, с помощью которых современник сможет в доступной форме ознакомиться и постичь национальную трагедию России начала XX в.

В истории есть место повторениям. В середине 30-х гг. XIX в. прервалась тесная до того момента связь между исторической прозой и художественной литературой. И если «Историю Государства Российского» и «Бедную Лизу» Н.М. Карамзина современник читал с одинаковым упоением, то пушкинские «История Пугачевского бунта» и «Евгений Онегин» имели различные читательские аудитории. Это было своеобразной рефлексией российского общества на проникновение в его политическое пространство идей либерализма и конституционализма. Страстные дискуссии о судьбе России, ее самобытности и перспективах развития мировой цивилизации были знаком эпохи, предшествовавшей Великим реформам середины XIX в.

В течение полутора веков историческая наука и художественная литература развивались независимо друг от друга. В этой связи прав специально исследовавший этот процесс С. Экштут в своем утверждении о неизбежности негативных последствиях подобной изоляции для формирования образа исторического прошлого. «Судите сами, – пишет он в книге «Битвы за храм Мнемозины: Очерки интеллектуальной истории» (СПб., 2003. С. 43). – Если мы знаем что-то об истории, то, как правило, черпаем наши знания из художественной литературы и меньше всего узнаем о миновшем из сугубо научных произведений, написанных специалистами».

Это высказывание можно считать преамбулой к разговору о вышедшей в 2007 г. книге М. Веллера и А. Буровского «Гражданская история безумной войны». В ее аннотации обещано, что она станет «незаменимым чтением для каждого, кто слышал слово «Россия», благодаря «легкому разговорному языку, иронии и честности на грани цинизма». Мало того, прямо заявляется: данная книга – первая попытка представить Гражданскую войну «как страшную и удивительную сказку, случившуюся в реальности».

Как известно, развитие исторического знания заключается в последовательной разработке и принятии научных теорий, обладающих как можно большим эмпирическим содержанием. Однако все теоретические конструкции только способствуют познанию, но отнюдь не дают познания реальности.

В определенной степени это связано с тем, что историческое развитие никогда не соответствует языковым артикуляциям, посредством которых общество действует, обозначает себя, интерпретирует и заново формирует. История не раскрывается через способ ее понимания, и семантические структуры исторических понятий определены восприятием времени.

Исследуя прошлое, историк вынужден думать не только о логике, но и о форме изложения результатов своих изысканий, особенно когда он стремится донести до читателя «дух» изучаемой эпохи и собственное восприятие ее.

Видимо, именно этим и руководствовались создатели данной книги о Гражданской войне, стремившиеся, как они сами пишут, не создавать этикетку «Хрен в маринаде», не писать историю, от которой «захватывает дух и отвисает челюсть», а понимать историю, отвечая на одиннадцать ее вопросов: Когда? Где? Что? Кто? С кем? Сколько? Почему? Как? Вследствие чего? Зачем? С какой конечной целью?

Историописание представляет собой образ производства идентичности. В связи с тем, что мотивация процесса конструирования исходит из субъекта, пребывающего в определенном социальном мире, то в каком-то смысле история – это отражение образа настоящего в прошлом. И в этом смысле вся история представляет собой форму мифологии в ее культурно-антропологическом понимании. Не случайно авторы книги утверждают, что от одного их взгляда «на главные пункты Гражданской войны... детективы отдыхают, триллеры усохли, это акробатика на минном поле и секс на гвоздях».

История как осмысленная версия представляет собой современный научный дискурс. Каждое новое поколение пишет свою собственную историю, и в каждом поколении присутствуют конкурирующие гипотезы с разными шансами стать если не единственными, то хотя бы доминирующими концепциями.

В книге Веллера и Буровского крайне сложно вычлени́ть саму гипотезу. Если авторы пытаются доказать, что «Гражданская война – это Октябрьский переворот, растянутый во времени», то об этом уже исписаны тысячи страниц. Если они хотят убедить читателя в том, что Гражданская война – это «густое и страшное время», когда «отношение к жизни – ха», «отношение к сексу – давай-ка», «отношение к собственности – дай сюда», то это тоже не ново.

Инновационным, пожалуй, является лексика в виде насыщенности текста различными словечками типа «козлы», «дурацкие декреты» и выражениями, подобными вот этому: «Советская республика была для большевиков лишь первым шагом к построению Земшарной Республики Советов». Но эта лексика мало общего имеет с дискурсом эпохи Октябрьской революции даже с учетом архаизации того общества.

Сложно эту лексику называть и современной в том плане, что именно она вряд ли доминирует в современном российском обществе. Скорей всего, речь идет о том, что авторами используемых языковых конструкциях закладываются типичные модели восприятия тех или иных событий Гражданской войны и стереотипизированные схемы поведения. По этой причине язык книги выступает не только как инструмент описания революционных событий начала XX в., но и в качестве части социальной реальности. Своего рода смакование словечками «компашка большевиков», «красные скорпионы», «большевики – платные агенты», «брестская капитуляция», «Фани Каплан как самая подходящая кандидатура на стрелка в вождя» и т.п. объясняется актуализацией изучения языковых процессов, связанных с передачей посредством вербальной или невербальной коммуникации знаний, социального опыта, определенных представлений о существующей действительности. Иными словами книга – попытка ее авторов не считаться с мнением профессиональной читательской аудитории ради обретения непосредственного контакта с временем настоящим.

Каждое поколение перестраивает дискурс в соответствии с новыми основаниями. Поэтому история Гражданской войны постоянно будет менять свою форму в дискурсе настоящего. То, что помнят об этой братоубийственной трагедии, зависит от способа ее репрезентации, который должен соответствовать скорее способности социальных групп сформировать образ бунтующей России начала XX в., чем возможности исследователя пробудить воспоминания об этом периоде российской истории.

Как известно, в современных определениях дискурса все меньший акцент делается на собственно тексте как части дискурса. Акцентируется внимание на внелингвистических, социальных характеристиках дискурса событийного контекста, в котором создается текст, а также на индивидуальных целях, интересах и мировоззренческих ориентациях создателей данно-

го текста. Дискурс следует оценивать прежде всего как продукт человеческого мышления, формируемого под влиянием событийного ряда.

Связующим звеном между исторической наукой и художественной литературой выступает метафора как своеобразный художественный образ, имеющий в своем развитии несколько тенденций. Они связаны с использованием понятий без определения их сущности, с подменой исторических терминов расплывчатыми словообразованиями, которые используются в паре с конкретно-историческим понятием как противопоставление («большевики» – «противники большевиков»). Кроме того, создание представления происходит посредством привлечения колоссального количества фактического материала.

С метафорой в книге Веллера и Буровского явно большие проблемы. Им вряд ли удалось гораздо глубже, чем их предшественникам, погрузиться в историю Гражданской войны, переделать ее, а главное – убедиться самим и убедить своих читателей в истинности написанного. Отсюда – их повышенная ироническая тональность изложения.

В какой-то степени это связано с концептуальным осмыслением истории Гражданской войны. Констатируя состояние всеобщего хаоса, охватившего все политические, экономические и социальные структуры российского общества, авторы, по существу, строят свое исследование по известной схеме «переодевания героев в антигероев». Виновниками всего происшедшего в России объявляются большевики, опиравшиеся «на солдатско-матросскую дезертирскую вольницу, которая и привела их к власти». Об антинародной политике лидеров Белого движения (оно именуется «Белым сопротивлением») также написано немало, но без той иронической доминанты, присущей анализу большевистских деяний. «Беззаветные красные бойцы» ударными темпами строят у Веллера и Буровского «экстремально-утопический коммунизм методом военно-однопартийной диктатуры и жестоких репрессий». Белые же как «благородные рыцари движения за все святое» в силу отсутствия у них политических стратегий, по мнению авторов, «на фиг... были народу нужны». Вся их борьба свелась к «клочковатому сопротивлению на местах».

Видимо, по этой причине у Веллера и Буровского возникла великая путаница в определениях самой Гражданской войны, а также со сроками ее начала и окончания. На самими же поставленный вопрос «Когда же началась Гражданская война?» они отвечают: «А вот где-нибудь в мае 1918». Это вовсе не мешает им дальше писать о «первой Гражданской войне», начавшейся еще в июне 1917 г., а еще дальше – о «той Гражданской войне», начало которой было положено и «провозглашением большевиками самих себя единственной властью в России (26 октября 1917 года)», и «разгоном

Учредительного собрания 4 января 1918 года», и «созданием Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК) – 7 декабря 1917 года».

Сказанное в предисловии под символическим названием «Краткий курс Гражданской истории безумной войны» вовсе не мешает Веллеру и Буровскому дальше описывать Гражданскую войну исключительно в пожарно-пламенных выражениях (Часть I. Поджигаемая Россия; Часть VI. Польшающая Россия; Часть VII. Пожар. 1919 год; Часть VIII. Пламя все выше (1920); Часть IX. Пламя над русской деревней (1921–1922); Часть X. На углях великого пожара), сводя ее к даже к «процессу расширения и сокращения территорий государства, на которые распалась Россия». Видимо, поэтому «итог Гражданской войны» авторы сводят «к появлению государства нового типа... где романтики и рабы ковали свободу и счастье для всего мира, пока мир не вознегодовал».

Надо отдать должное Веллеру и Буровскому. Они готовы к критике и сами признают, что «книга имеет много недостатков». Все их они связывают с тем, что книга призвана ликвидировать «белое пятно» отечественной историографии – отсутствие «объемной объективной литературы о Великой Гражданской войне». Тут, правда, закрадывается подозрение, что с литературой этой они не слишком хорошо знакомы.

Тем не менее, следует признать, что появление книги Веллера и Буровского вполне закономерно, поскольку является продуктом кризиса исторического знания, связанного с формой и логикой изложения полученных результатов. Подобного рода работ еще немало появится на свет. Идет процесс поиска новой формы научного дискурса, когда, выражаясь словами уже цитируемого Экштута, происходит «возвратно-поступательное движение мысли по пространству и времени, сопровождаемое изменением авторской интонации».

В.Д. Зимина